

Андрей Ефремов (Брэм)

БОЕВАЯ
РАБОТА

ВОЕННЫЕ ПАЦАНЫ

Андрей Ефремов (Брэм)
Военные пацаны
Серия «Боевая работа», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805634
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

На небольшом клочке земли с непроходимыми горами до сих пор процветают древние обычаи: кровная месть и работоторговля. Территория Чечни до того мала, что даже друзья детства, юности, живущие в разных концах России, могут встретиться здесь по разные стороны баррикад. Чеченец и якут – бывшие крепкие друзья детства, жизненные пути которых разошлись после службы в армии. Один стал бандитом, другой – милиционером. Их пути пересекаются в подразделении чеченского СОБР в Грозном, где чеченец находит свою трагическую смерть на руках у своего бывшего друга детства.

Содержание

Часть первая	4
От автора	4
Нелюди	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Ефремов (Брэм)

Военные пацаны

Часть первая

Одноклассники

От автора

Для одних война – средство для наживы, для других – тяжёлая, опасная, но вполне привычная повседневная работа. А для простого чеченского народа – это горе. На относительно небольшом клочке земли с непроходимыми горами, до сих пор процветают древние обычаи кровной мести, работорговля, и трагически пересекаются судьбы разных людей. Территория Чечни до того мала, что даже друзья детства, юности, живущие в разных концах России, могут встретиться здесь по разные стороны баррикад. Горло готовы друг другу перегрызть...

Один человек сказал: «Если плюнуть в бочку с водой, то вода испортится, и из нее уже не будут пить». Первая книга «Служба нарядов» писалась по памяти. Дело в том, что запи-

си, которые я вёл в предпоследней служебно-боевой командировке, по прибытии домой затерялись при каких-то мутных обстоятельствах. Дневник писался в огромном размере — в служебном журнале, который так и назывался «Служба нарядов», и когда бойцы его читали, некоторые всерьёз всё воспринимали, некоторые смеялись, дополняли, и выражали мнение — вполне возможно на этой основе и книгу издать.

А подтолкнул меня на написание этих заметок наш боец — старший сержант милиции Денис Мастер — парень простой, деревенский, но в последние годы живет и работает в городе. Была у него привычка часто писать письма своей сестре, и вел он маленький дневничок в новеньком служебном блокноте, — такой блокнот «Служебная книжка» выдаётся всем милиционерам.

Началось так: валяемся мы как-то в отрядной палатке на своих кроватях после хозработ, отдыхаем, я, кажется, какой-то журнал с картинками листал, а Денис дневничок заполняет и при этом сам себе вслух помогает:

— Утром ходили за дровами... потом обед был... телевизор посмотрели... Антоха, чего ещё написать можно?

Лениво отмахнулся:

— Про погоду напиши.

— О!.. Точно! — слышно — сопит, царапает — скрип-скрип, — здесь очень жа-арко...

— Но жар, при этом, костей не ломит, — встревает находящийся рядом Саша Опер.

– Кости обычно, заметьте, – заинтересовавшись творческим процессом, вносит кто-то лепту, – ломит после работ...

Денис оттопырил указательный палец:

– Верное замечание!.. – И так далее.

Благодаря Денису у меня и появилась подобная задумка. Задумка оформить, вернее – закамуфлировать свои размышления по поводу этой войны в форме художественной прозы.

После выхода в свет первой книги и неожиданных для меня положительных отзывов, которые поначалу совершенно серьёзно воспринимал как чьи-то розыгрыши, стал искать личные блокноты, куда вписывал не только свои, но и мысли друзей, какие-то сохранившиеся старые записки, фотографии, письма и документы – так появилась вторая книга – «Блокпост 47Д». Некоторые записи в моих блокнотах сокращены до такой степени, что я до сих пор не могу вспомнить и понять – что они означают, например: «дата, на юге пр. 1 км. СОБР в 17–20 2 чеха щ ц»; «дата, ОМОН Дарго – фэйсы т». Есть такие, которые вспомнились только сейчас: «дата, ГРУ солдаты, возле речки (н.п.)» и: «дата, собаки едут, их много. Стрелять или нет?» – это явно из радиоперехвата при движении нашей колонны. «Дата, операция «бычок» – это огласке не подлежит, хотя, по существу, и не является государственной тайной. Из того что вспомнилось и расшифровалось и нарисовалась очередная повесть-размышление, состоящая из отдельных рассказов, где причудливыми узора-

ми переплетены и трагедия и смех.

Однажды в Ассинском ущелье местные жители мне сказали: «Асса два раза в год свистнет, двух человек заберёт» – во время сезонных разливов Ассы случаются человеческие жертвы. Люди, впервые увидевшие «речку» в межсезонье, этому утверждению верить не желают: «Её же в пять шагов перейти можно!». Да, можно, если осторожно и не в соответствующий сезон.

Есть две чечено-ингушские легенды о сотворении мира: Горы, животных и людей создал верховный бог Дяла, а когда от человека пошло потомство и племёна невероятно размножились, Всевышний решил поделить землю между народами. Горы и глубокие ущелья, леса и шумные водопады, бурные реки и родники, стали свидетелями великого праздника людей во имя Всевышнего. Праздник удался на славу, но невероятно надолго затянулся, а когда люди, населяющие горы, пришли к Дяла, то вся земля была уже роздана другим племенам. Горцы крайне опечалились, и тогда Всевышний сжалился над ними и отдал им землю, которую оставил себе. Это были места, где облака плывут либо по поверхности земли, либо можно было наблюдать за ними сверху. Это была земля, где с покрытых вечным снегом вершин, малые ручьи стекают в грозные реки. И называли люди эту прекрасную землю – Кавказ. Чеченцы всегда рады всем, кто приходит с миром на их Землю: «Да будет твой приход свободным

и здоровым, как хорошо, что ты пришёл, а мы вот только вчера о тебе вспоминали!», – скажет чеченец вместо «здравствуй». «Живи свободным!», – скажет гостеприимный чеченец, провожая.

Более древняя легенда такая: Однажды на землю спустилась огромная белая птица. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» (Быт.1:2) и представляла собой плоскую безводную твердь, без растений и каких-либо живых существ, даже малой мыши полевой – и той не было. Белая птица недолго побыла на этой тверди, но из её экскрементов и возникли вода и семя, из разлившейся мочи образовались моря, озёра, реки; семена развеял ветер, – из них появились растения.

И ещё: в переводе с греческого «heros» означает полубог, обожествленный человек. В догомеровские времена – X–IX век до н. э., героями в Древней Греции назывались дети бога и смертной женщины или смертного и богини, такие как Эней, Геракл, Ахилл и т. д. Героям поклонялись, в их честь сочиняли поэмы, воздвигали храмы. Но в моих книгах, как заметил проницательный Читатель, герои, несущие службу на Северном Кавказе – простые, неприметные в быту люди – совершенно неподходящие образы для голливудских боевиков или книг с красивыми обложками. Также здесь практически не уделено внимания описаниям красивых сражений и подвигов: писавший преследовал не это. Тем не менее война присутствует и – именно благодаря таким людям:

солдатам, офицерам, милиционерам – чернорабочим войны, сдерживается натиск тёмных сил нашего времени. В отличие от генералов, они – настоящие Герои. Все имена и фамилии в произведении – вымышленные, территориальность и точность в хронологии событий не гарантированы. Особо подчёркиваю – это сочинение есть плод буйной и безудержной фантазии автора, но, понимайте как хотите – отчасти основанное на реальных документах. Несмотря на все попадающие в текст клятвенные заверения автора что мол «так оно и было», – не верьте, даже если найдутся живые «свидетели» описываемых событий (не сомневаюсь – найдутся): любые совпадения в чём-либо – чистая случайность. Набравшись храбрости, решил затронуть и вопросы религии, но не с целью оскорбить чувства верующих (сам верующий), а только с тем, чтобы показать – какие пародийные ситуации иногда складываются в этой духовной сфере при неправильном понимании сути вопроса. Также – автор во многом не согласен с мыслями и поступками некоторых действующих в повествовании лиц.

Нелюди

Еда без остатка – еда не досыта.
Чеченская пословица

Хизир метался по полю, убегая от «Юнкерса». Кажется, фашистский летчик баловался, забавлялся, как кот с мышью: стрелял то длинными, то короткими очередями, стараясь то остановить, то подстегнуть человека для того, чтобы он повернул в другую сторону или назад. Затем уходил высоко в небо, за облака – и неожиданно, с душераздирающим воем, стремительно увеличиваясь в размерах, появлялся с другой стороны.

Вновь ушел.

Хизир увидел возле себя спасительную глубокую воронку от авиабомбы, прыгнул в нее, сжался в комок. По краю воронки прошелся ряд бурунчиков, мелькнуло крыло низко пролетевшего самолета, да так близко, что даже успел разглядеть на нем большой нацистский крест. От страха Хизир зажмурился и накрыл голову руками, и в этот момент, судя по тому, как содрогнулась земля, совсем рядом прогремел мощный, оглушительный взрыв. Хизир открыл глаза...

«Где я?» Это уже совсем другое место. Темно, но можно разглядеть, что находится он в каком-то тесном помещении без окон, плотно набитом совершенно незнакомыми

людьми. Сам Хизир лежит на полу, на каком-то прохудившемся матрасе, тут же, рядом с ним, на перевернутых днищем вверх банках, горят парафиновые свечи. «Кто я?» Хизир никого не узнает и не может понять: кто он такой, как тут оказался и что вообще здесь делает. От этого становится жутко, не по себе: «Может, я в плену?» Люди о чем-то разговаривают между собой во мраке; прямо на земляном полу напротив него сидит совершенно седой старик с закрытыми глазами и, судя по движению бороды, что-то говорит. Но Хизир ничего не слышит – такое впечатление, будто уши плотно заложены ватой. Незнакомая пожилая женщина притронулась к его плечу и тоже беззвучно шевелит губами.

– А?... – Хизир потряс головой. – Где?...

Откуда-то изнутри рваными кусками потихоньку начала всплывать память: бомбежки, соседи, свой собственный подвал.

– ...Хизир, что с тобой?

– Я спал? – Хизир вспомнил свое имя, соседей – слух и память вернулись.

– Да вроде закончили бомбить... еще маленько подождем...

Старик все продолжает беззвучно шевелить губами. «Он молится», – догадался Хизир.

Грозный бомбили часто, подолгу и основательно. Все «счастливыцы» – обладатели надежных подвалов – во время бомбежек укрывались в них. У кого же в домах подвалов не

было – прятались в соседских.

В когда-то красивом, а сейчас наполовину разрушенном доме Хизира подвал был очень хороший: добротный, вместительный, надежный. А семьи не было. Уже три месяца прошло с тех пор, как он потерял двух маленьких дочерей и жену Ольгу: их накрыл шальной артиллерийский снаряд буквально в тридцати шагах от дома.

В подвале всегда находились скромные запасы продуктов, воды и матрасы с одеялами. Все это заранее принесли соседи – во время внезапных налетов авиации времени на сборы, естественно, не было. Чувствуется, как содрогается земля от близких разрывов снарядов; одновременно сотрясается и сердце – как бы ни был глубок подвал, но разрывы все равно слышны. При близких разрывах создается впечатление, будто дом, стоящий над подвалом, подскакивает, а затем снова встает на место.

Странно это – никто из присутствующих, даже те, которые оказывали помощь в похоронах, кажется, не сочувствуют и не скорбят по умершим по-настоящему: все привыкли к смерти. Такова уж природа человека: мало смерти – больше горя, много смерти – обыденность. Тот, кто сам страдал, умеет понять трудности другого человека и потому готов прийти ему на помощь. Кто сам не прошел через испытания, не пережил боли, тот не знает слов, которые нужно сказать своему страждущему брату или сестре; такой человек не знает, что значит сострадать. Но в том-то и дело: сострадают все,

но со стороны это выглядит не так, как в привычной мирной жизни – все по-другому, более спокойно, философски и без ненужных, изматывающих душу слез и истерик.

Переживать бомбежки и обстрелы с воздуха приходилось подолгу, поэтому времени для разговоров в этом подвале, в периоды затишья, имелось предостаточно. К тому же давно замечено – беседы как-то притупляют чувство голода. Продуктов нет ни у кого, если удастся что-то достать по случаю, люди помогают друг другу, делятся.

Соседская женщина по имени Саният на днях вернулась из Самашек, рассказала, что там русские солдаты убили много людей, наверное, человек двести. Об этом событии загодя предсказал один блаженный из Урус-Мартана – Малх Данги. Над Данги смеялись, но он заранее пошел в Самашки на тезет – поминки, заодно радостно приглашал всех и на свои собственные похороны: именно на поминках он обычно и наедался досыта, люди щедро угощали умалишенного. На въезде в Самашки солдаты, после издевательств, убили его и бросили мертвое тело на дорогу. Женщинам нельзя находиться на тезет, но Данги провожали в последний путь тысячи и тысячи – и женщин, и мужчин: эта смерть никого не оставила равнодушным.

Кто-то из стариков укоряет Хизира:

- Настоящий мужчина должен взять в руки оружие и пойти воевать с русскими – они убили и твою семью.
- Воевать можно вечно, – осторожно отвечают женщины,

чтобы не обидеть Хизира: все знали, жена у него была русской, но ведь мертвых этим не воскресишь.

– Слухи по городу ходят – один страшнее другого...

– И без слухов страшно, сами видим, что творится. Куда ни пойдешь – трупы. Некоторые раздавленные, как лепешки, порой бывает даже трудно определить, кто это – мужчина или женщина.

– Тысячи русских солдат круглосуточно долбят и долбят нас без перерыва, дают наших братьев, сестер и других родных на танках на всех дорогах Чечни. Ну как вам это, нравится?

– Существуют законы предков.

– Интересно: а сейчас по каким законам нас убивают, в чем мы виноваты?

– Наши предки всегда знали, к чему приведет имперское зло, поэтому и боролись против него.

– Да, все это похоже на заколдованный круг. И когда живешь в несправедливости и не имеешь возможности это как-то изменить, потихоньку начинаешь привыкать.

– Но из двух зол, как известно, выбирают меньшее...

– Например – подвал.

– Да, как крысы подвальные прячемся!

– Если сегодня у людей, которые готовы отдать жизнь за идею, за борьбу против России равным счетом ничего не получается, то очевидно, что простыми разговорами точно ничего не изменить.

– Будь так добра, поделись своими идеями, что нам сделать и как нам быть, чтобы стать тебе симпатичными. От того, что ты говоришь какие тут все плохие, коварные и грязные, у тех, о ком ты говоришь, даже нерв глаза не дергается.

– А оно мне надо, чтобы у них нерв глаза дергался? Мой протест – говорить, это все, что в моих силах.

– Если тебе не очень затруднительно, скажи, пожалуйста, что нам делать, как нам быть, какие будут предложения. Как сейчас есть – мы знаем, не слепые. А вот как нам быть и что делать, мы, видимо, не знаем, потому что тихо-молча заниматься своими делами и пытаться устроить свою жизнь и жизнь своих детей буквально в этом подвале называется в некоторых кругах «страх за свою шкуру», «предательство» и все такое прочее. То есть мы в принципе живем так же, как и все, только в отличие от «всех», находясь в непосредственной близости от очага возгорания, мы больше подвержены риску быть обожженными.

– А как же джихад?...

– Этот джихад ваххабиты перевернули с ног на голову. Джихад в первую очередь – борьба со своими внутренними пороками...

Все соглашаются только в одном:

– Скорей бы все это закончилось... – Непонятно, к чему относятся эти слова, то ли к войне, то ли к бомбежке. Наверное, все-таки к бомбежке, потому как война, кажется, не закончится никогда.

Хизир молчит – его сердце разрывается от горя и тоски, и он не знает, что делать. Вся его жизнь прошла на Севере, куда по молодости уехали его родители на сезонную работу, да так и остались там навсегда. Сюда, на родину, которую даже толком и не знает, он со своей семьей вернулся всего лишь с год назад, привлеченный настойчивыми призывами своих дальних родственников. Где сейчас эти родственники? Как быстро все произошло: кто-то погиб, остальные раскололись на два враждующих лагеря, и каждый норовит перетянуть его на свою сторону; даже мертвые, похоже, вовсю стараются.

Провел ладонью по щетине на щеках, как бы вытирая их, встряхнул головой, отгоняя томление. Вспомнились счастливые школьные годы: скучные изложения по «Войне и миру», наводящие тоску и скуку сочинения на тему о дружбе народов, проклятые алгебра с геометрией. Вспомнилось, как всем классом сбегали с уроков в кино, и мысли: скорей бы закончить эту школу, скорей бы стать взрослым и независимым, скорей бы... Как давно было это счастье, и воспоминания эти больше похожи на неправду, на сон, будто и вовсе всего этого не было!

Хизир прислушался к бормотанию полоумного старика, сидящего с отрешенным видом на молитвенном коврике напротив него:

– ...Только Ты Всемилоостив и Милосерден, только Ты в судный день единственный Властелин. – Морщинистые ру-

ки старика привычно перебирают четки, тело слегка покачивается, в такт словам двигается седая борода. — Лишь пред Тобой мы колени преклоняем, только к Тебе о помощи и сострадании молим. Направь нас прямой стезею, которую Ты избрал для тех, кто милостью Твоею одарен, но не для тех, на ком Твой гнев и кто в неверии блуждает...

— Люди говорят, этот старик — хафиз, то есть человек, знающий весь Коран наизусть.

Все уже давно покинули подвал; бомбежка прекратилась, а Хизир все не может оторвать своих глаз от старика. Горящий огарок свечи и умалишенный старик — вот где реальность; все остальное — просто кошмарный сон. Конечно, кто же еще может быть более сострадательным в этом мире, более милосердным, чем Бог? Весь мир сошел с ума, все отвернулись от Него, вот за что Аллах наказывает людей. Пророк предупреждал об этом: люди сами во всем виноваты.

— ...Кто боится гнева Бога и в незримое уверил, — продолжает старик, уже закрыв в молитвенном экстазе глаза, — молитву совершает по часам и щедро раздает из своей доли, кто в откровение уверил, и в то, что до тебя ниспослано другим, и кто душою всей уверил в жизнь вечную. Только они идут прямой стезею Бога, лишь они восторжествуют. Но для неверных все равно, увещевал ты их или нет — в Аллаха они не уверуют никогда. Каждому Тобой дано право самому решать, как жить в этом мире...

Удивительно, почему все ушли, почему никто с трепетом

и содроганием в сердце не остался послушать эти мудрые слова старика; или этого старика никто не слышит, как и не слышит Бога?...

– Ты меня слышишь, Хизир?! – Мужчина вздрогнул: старик немигающе смотрел ему прямо в глаза, прямо в душу. – Ты меня слышишь?

– Слышу, деда,¹ – ответил Хизир, – я тебя хорошо слышу.

– Твоя семья жива.

– Я знаю, деда, жена и дочери на небесах...

* * *

Роман Григорьевич Дилань родился и вырос в Якутии, украинец, хотя и ничего классически хохлятского в нем, собственно, и не имеется. Всегда коротко стриженный, голубоглазый блондин, ростом чуть выше среднего, но благодаря худобе выглядит долговязым; прекрасный охотник, знает всю тайгу и места, где водится дичь. Болезненно щедрый и честный, с наивностью малого ребенка полагает, что и все окружающие такие же, благодаря чему его бывает очень легко обмануть. Но вот лицо его подвело – ну никак не похоже на лицо доброго человека. Кривой уродливый шрам, проходящий от левого уха по всей щеке до края губы, полученный при задержании на службе, вероятно, и придает его фи-

¹ Деда – дедушка по отцу (чеч.).

зионии выражение какого-то циника и садиста. Девушек никогда не охмуряет, они сами им охмуряются. Образован, прекрасный семьянин, имеет сына, отличный спортсмен, в связях, порочащих его... беспощаден... С этого момента поподробней, пожалуйста.

Одно время лейтенант Дилань состоял на службе в уголовном розыске. Начальником у него был некто Джават Исмаилов, бывший участковый, дорос до старшего инспектора УР по особо важным делам – «важняк». Так получилось, что Джават с Ромой учились в одной школе и служили срочную службу в одной роте, где крепко и сдружились. После службы в армии вместе решили идти на работу в органы милиции.

Джават – парень шустрый, опыта в работе не занимать, к любому делу подходил с творческой искоркой, постоянно находил какие-то новые необычные решения для разрешения залежалых, «глухих» проблем, которых в работе УР обычно бывает предостаточно. Службу начал простым патрульным милиционером еще в конце восьмидесятых. Отличался гостеприимством, какой-то особой кавказской «правильностью», был общительным свойским парнем, не пил, не курил, но при этом был крайне вспыльчив. Свою горячность ему удавалось сдерживать с великим трудом, однако это было заметно только близким друзьям. Но люди, которые не знали Джавата, при первом знакомстве даже и догадаться не могли, что перед ними – сотрудник милиции: такой простой, всегда улыбчивый и предупредительный человек, легок на

разговор и беседы на любые темы. Вероятно, эти качества и сказались на том, что Исмаилов быстро рос по служебной лестнице. Но, несмотря на то что он был начальником, никогда не ставил себя выше своих друзей, и за это его уважали.

Джават часто сетовал на безнравственность и распущенность молодежи, на безыдейность и бездуховность подрастающего поколения. В годы перестройки стал активистом в своем землячестве, где всей душой и принял ислам, стал скрупулезно и с великим усердием изучать Коран. Даже одно время тесно сотрудничал с турецкой общеобразовательной организацией «Нурджулар», имевшей филиал в Якутске. Забегая вперед, отмечу: эта организация, «Нурджулар», уже после отъезда Джавата на родину была запрещена самими турецкими властями, так как было установлено, что ее целью являлось превращение Турции в исламское теократическое государство, и были выявлены тесные контакты «Нурджулар» с турецкими организациями, оказывающими помощь бандформированиям в Чечне.

Кабинет сыщиков находился в подвальном помещении старого здания ГОВД; рядом соседствовало невзрачное помещение, в котором уборщицы обычно хранят свой нехитрый рабочий инструмент.

И вот в суете забот стал Джават замечать странности в поведении своего подчиненного. Тот начал собирать где попало обрывки старых цепей, разных размеров металлические крюки, ржавые щипцы, щипчики, пассатижи, шило, раритет-

ные старинные нерабочие кандалы, наручники; даже у какого-то казака выменял на литру самую настоящую нагайку.

Рома помалкивает и многозначительно посматривает на друга. Джават же, потомственный кавказский интеллигент, прикрыв глаза густой черной бровью, делает вид, что этой странной коллекции под столом у Ромы не замечает. Неудобно как-то спрашивать, мало ли какой ориентации человек стал в такое беспокойное время, всякое бывает; главное – что работает.

Но однажды, когда в кабинете откуда-то появилась вонючая лошадиная уздечка с подпругой, многозначительный Ромин взгляд окончательно вывел Джавата из себя.

– Меня, конечно, абсолютно не трогают твой внутренний мир и убеждения, – переборов себя, сказал Исмаилов, – но убедительно тебя прошу, Рома, дорогой, убери ты свои прибамбасы куда подальше, не позорь нас, пожалуйста, люди же ходят... – Сделав небольшую паузу, в которую при желании можно было бы вставить непозволительный для дагестанца небольшой матерок, закончил: – То-се...

– Нет проблем, Джават, – отвечает Роман, – ща сделаем! – И, приоткрыв дверь, кричит уборщице: – Тетя Маша, можно у вас в кабинете вещдоки оставить?... Ага, само собой, таки на время...

Воодушевленный утвердительным ответом, шустро задвигался:

– Учись, Джават, как с людьми разговаривать надо, – и,

цитируя самого себя: «В кабинет, тетя Маша, на время...», приступил к переносу своего барахла в «кабинет» уборщицы. Самым последним тащит в подсобное помещение старенькую, вероятно еще довоенной поры табуретку, предварительно сняв с нее горшок с давно высохшим цветком, – ну, где на время, там и «само собой».

По истечении пары недель – времени вполне достаточного для того, чтобы забыть про инцидент, – Рома со своим другом Владиславом Сылларовым, проявив верх сыскного мастерства и рискуя как минимум своим здоровьем, задержал особо опасного рецидивиста, подозреваемого в ряде жестоких убийств, хотя никаких весомых подтверждений его вины при этом не имелось. Имеют место быть только незначительные косвенные доказательства и совершенно неуместные, не принимаемые слепой Фемидой в расчет нематериальные интуиция и догадки. Все сроки изоляции от общества на время дознания вышли, утром человека пора выпускать. Впереди ночь. Опера коллективно чешут репу: что за ночь можно сделать? Если выйдет на свободу, которая уже с утра ему по закону маячит, потом ищи ветра в поле?

– Щас я его расколю. – Рома для солидности взял со стола пару листочков бумаги и авторучку. – Вы его в «кабинет» к тете Маше заведите, а там я сам. – И, бросив на ходу: – Главное – психическая атака! – вышел.

– Давай, Рома, прояви себя! – проговорил вслед Джават. – Родина тобой любит, зеленой тебе дороги!

А что еще делать прикажете? Хотя какая-то надежда.

Из ИВС привели бандюгу, тщедушного такого мужичка, завели в тесное подсобное помещение уборщицы.

Мужик заходит и видит такую картинку: на потолке тускляя лампочка в решетке, два грязных ведра с мрачной шваброй у стенки, табуретка, на которую человек с лицом профессионального садиста, даже не взглянув на вошедшего, вежливо предлагает присесть. У хозяина заведения рубашки закатаны по локоть и своими жилистыми ручищами он деловито раскладывает и перебирает на небольшом столике множество различных «пыточных» приспособлений – крюки, тиски, щипцы, пассатижи, шило. Кроме того, на стене слева, с перекладины, свисают мрачные цепи и нечто непонятное, брезентово-кожаное – вероятно, это то, чем можно зафиксировать живого человека буквой «зю». Наготове и бывшая в частом употреблении кожаная плеть, находящаяся явно в рабочем состоянии.

Конвой вместе с подозреваемым слаженно изображают на лицах изумление. Первым, конечно же, приходит в себя бандюга:

– Понял, все скажу...

Классический «момент истины»! «Садист» искусно проявляет недовольство по поводу ускользнувшего из рук удовольствия, впечатлительного мужика сразу уводят, от греха подальше.

«Сказал» бандит в ту ночь про все и, к великому удив-

лению оперов, про «всех». Работал-то он, оказывается, не один! Группа подонков убивала людей даже за то, что те оказывались случайными свидетелями. Было раскрыто великое множество «висяков».²

Через месяц «комнате психологической разгрузки» пришел конец. Начальник ОВД каким-то образом разузнал про это заведение, дал всем операм определение «звери» и заставил освободить техническое помещение от лишнего хлама. Заваленный по уши общественный работой Костя Топорков все-таки нашел немного свободного времени и по случаю поимки отважными оперативниками особого опасного бандита сочинил небольшой стишок для отделовской стенгазеты «На боевом посту», в которой были такие проникновенные строки, сложенные по принципу «важно не качество, главное – вовремя»:

Ты жди меня, жена родная,
Не знаю, скоро ль я вернусь,
Вернусь с опасного задания
(Опасностей я не боюсь).
Я обниму тебя, родная,
Скажу: «Вот я и пришел!
Служба наша такая:
Дни и ночи напролет...

² Висяк – нераскрытое уголовное дело, имеющее перспективу продолжительное время пребывать в архиве.

Вероятно, за эти «проникновенные» строки Топорков и получил благодарность от начальства. А опера – выговор. Вот с тех самых пор Топорков и стал избегать встреч со злыми на него оперативниками.

Для тех читателей, которые не поняли, о чем здесь речь, поясню: никакого физического воздействия в отделе никогда не применялось, Рома всего лишь изъявлял желание похвастаться своей непонятной коллекцией перед людьми. Топорков же «поговорил» на эту тему с начальником, обсудил, и шеф сделал соответствующие оргвыводы.

Конечно, бывали перегибы в работе оперов, не без этого. Особенно выделялся сам «важняк» Джават Исмаилов. Хорошим парнем был, простым. К примеру, вызовет он к себе на допрос какого-нибудь крутого чувачка, у которого кругом все и вся куплено, а тот является в отдел исключительно с высокооплачиваемым модным адвокатом, час работы которого стоит большую сумму. Чувачок довольный, хамливый, и речь, конечно же, соответственная: чего, мол, вызвал, про погоду поговорить? Ну, дык, давай, поговорим! Джават, несмотря на то что кровь внутри закипает, не отказывается и с радостью предложение принимает. Беседуют о погоде, о видах на будущий урожай апельсинов в Марокко, о политической обстановке в Боливии...

Проходит час, другой, оба увлекаются живой беседой, адвокат при этом присутствует, но скучает. Джават с присутствующим ему кавказским гостеприимством одомашнивает ситу-

ацию: начинает предлагать чаек, печенюшки. Часа через четыре Исмаилов, сетуя, мол, извини, брат, пора мне – служба, трогательно с чувачком прощается. Расстаются они чуть ли не друзьями.

Через пару дней вновь вызывает. Все повторяется: радушная встреча, чай-кофе, печенюшки, скучающий адвокат. И через несколько таких подходов чувачок начинает нервничать: адвокату же платить нужно, тариф-то почасовой. Если еще не все на на него просадил, то уж скоро точно все деньги на этого хренова адвоката и уйдут. И вот так, раз от разу, Джават потихоньку и начинает получать от «замученного» чувачка информацию.

Примерно так же происходят разговоры и с задержанными авторитетами, которые на время следствия находятся в изоляции от общества: чай-конфеты-пряники, радушные разговоры, чай-конфеты, радушные разговоры... чай, радушные разговоры. Авторитет не резиновый и после обильного чаепития, эдак со свойской улыбочкой, намекает Джавату: мол, и в туалет неплохо было бы сходить. Кавказец на намеки совершенно не реагирует и, как радушный хозяин, тоже с приятной улыбочкой, предлагает еще по чашечке. До авторитета наконец доходит, что его каким-то образом попросту дурят, и начинает нервничать: мол, а ну как я сейчас вот здесь, прямо у тебя в кабинете? Коварный Джават и отвечает: а ну как я твоим сокамерникам расскажу, как ты у меня обоссался? И ведь ни слова не совру!.. Какой же

ты, мол, после этого авторитет? Тот, чтобы не терять своего авторитета, начинает идти на плодотворный продуктивный контакт и, облегчив душу, спокойно, в сопровождении конвоя, облегчается и сам. Либо наоборот – без разницы. Правда, авторитет при этом тоже называет Джавата зверюгой, никак не иначе... Возможно, он в чем-то и прав? В трудные девяностые годы, никому ничего не объясняя, Джават уволился из системы МВД и без особого шума неожиданно уехал на свою родину, в Дагестан. Поговаривали, помогать своим, находящимся в преклонном возрасте старикам.

* * *

...Бомбежки Грозного прекратились: должно же все когда-то закончиться. После ожесточенных уличных боев начались зачистки домов силами федеральных войск.

Хизир просто лежал на своей кровати и безучастно смотрел в покрытый трещинами потолок, когда к нему в дом ворвалась группа русских солдат под командованием молодого офицера, на черных нарукавных шевронах которых изображена вздыбленная белая лошадь.³

Уже почти закончилась проверка дома и документов хозяина, как к командиру группы подскочил сержант:

– Товарищ старший лейтенант, схрон нашли!

³ Вздыбленная белая лошадь – нарукавный знак Северо-Кавказского округа ВВ МВД РФ.

Командир, отдав приказ мрачным солдатам охранять «бандита», спустился в подвал с целью лично убедиться в наличии оборудованного бандитского схрона. Как только офицер вышел, кто-то из солдат, стоящих за спиной, ударом ноги в подколенный сгиб повалил Хизира на колени, и воины стали жестоко его избивать. Били ногами, прикладами, могли бы просто убить на месте, но мешала команда «охранять» – это Хизир понял, разобрав среди поднявшегося шума какие-то слова. Свернувшись калачиком и расслабившись, чтобы сохранить ребра, обхватив голову руками, Хизир не кричал, стонал:

– ...Не надо... здесь нет бандитов... не надо...

Избиение продолжалось минуты полторы-две, но этого оказалось достаточно: кажется, ребро сломали.

– Отставить! – В комнату вошел командир. – Поднимите его!

Двое, подхватив избитого под руки («С-сука»), резким рывком поставили на ноги; сжав кулаки и трясаясь не от страха – от ущемленной гордости, Хизир стоял перед ним молча, глядя прямо в глаза и не отводя взгляда от тоже вперившихся в него глаз офицера.

– Объясни! – коротко распорядился старлей.

– От бомбежек в подвале хоронились с соседями... – Когда Хизир начал говорить, языком обнаружил во рту сломанный зуб; выплюнул его со сгустком солоноватой крови: – А куда еще прикажешь деваться, когда нас бомбят? Вы всю

мою семью убили, убейте и меня: я вас не боюсь.

– Ты чеченец?

– Да! И за это убейте!

– А я русский... и фамилия у меня Иванов... – задумчиво произнес молодой командир. – А ты чисто по-русски говоришь, без акцента, – не то спросил, не то сделал умозаключение старший лейтенант.

– Да...

– Семенов! – Офицер отвел глаза в сторону, не от того, что не выдержал взгляд; просто этот чеченский парень стал ему уже неинтересен: судя по всему, подвал не похож на бандитский схрон. – Командуй всем на выход!..

Когда из помещения вышел последний, Хизир, присев на свою кровать, тихо произнес:

– Извините, гости, угостить нечем было. – И мысленно добавил: «В следующий раз угощу обязательно».

Вполне возможно, что офицер в данной ситуации, сам того не подозревая, показал свою порядочность; тем не менее эта встреча подтолкнула Хизира на принятие решения. Все-таки он сделал свой выбор в этой жизни: задача была для него ясна – яснее некуда...

* * *

Иванов недолго пробыл в звании старшего лейтенанта. Через пару месяцев после событий в доме Хизира, в вой-

сковую часть, где он служил, приехал с проверкой генерал – некто Фаршев или Капустин. Никак фамилию не могу вспомнить, но точно не лошадиная.

И вот командиры построили подразделения части для проведения строевого смотра. Для начала генерал решил блеснуть знанием устава:

– Строевой смотр проводится в целях определения степени одиночной строевой выучки и строевого слаживания подразделений. На строевом смотре также проверяется внешний вид военнослужащих, наличие и состояние снаряжения, вооружения, боевой и другой техники. При инспектировании на строевом смотре, кроме того, производится опрос военнослужащих в порядке, изложенном в уставе...

В этот момент через КПП из очередного боевого выхода прошел взвод Иванова. Дежурившие на КПП солдаты, конечно же, сообщили об этом своему офицеру. Нужно было бы взводу схорониться где-нибудь на задворках и постараться не показываться на глаза генералу во время смотра. Но хорошая мысль, как говорится...

– ...В уставе внутренней службы. Опрос военнослужащих может также производиться при... – Генерал обернулся к своей свите: мол, как это я выдал, без единой запинки, заметьте!

Свита изобразила восхищение глубокими познаниями. И вот тут-то генерал и заметил шагающий мимо построенных начищенных шеренг взвод старшего лейтенанта Ивано-

ва. Притормаживает, подзывает к себе взводного, начинает спрашивать:

– Та-ак, товарищ старший лейтенант, в чем дело, почему в таком непотребном виде? – Вновь обернувшись к своей свите, сокрушенно покачал головой: – Вот, полюбуйтесь, каков командир, таковы и подчиненные!

Свита в ответ слаженно закивала:

– Безобразие!

А вид у взвода, справедливости ради надо признать, и в самом деле отнюдь не парадный: одежда пропыленная, грязная, обувь нечищенная, на лицах суточная щетина, глаза злые.

– Стыд и срам!..

– ...Позор!

– А не пошел бы ты в... генерал! – ответил старлей, этим поставив в беседе точку. Развернулся и зашагал дальше. Ну, перемкнуло у парня – и такое бывает.

На следующее утро Иванов стал лейтенантом и был переведен в тыловую часть на должность командира взвода комендантской роты. Задача у вверенного подразделения – обеспечение нормальной жизнедеятельности части, содержание в исправном состоянии коммунального хозяйства: водоснабжение, канализация, отопление и все прочее. Знающие люди подтвердят: работа беспокойная, не из легких. Это подразделение можно сравнить с любой гражданской жилищно-коммунальной конторой, на которую обычно при известных случаях все кому не лень валят все шишки и наве-

шивают собак. Но при отсутствии таких подразделений все превратится в клоаку, наступит хаос местного значения. Работа трудная, неблагодарная, но нужная; но результат добросовестной работы этих подразделений при этом обычно никто не замечает либо не желает замечать.

Случилось так, что в расположении части перекрыло трубу фекальной емкости, и эту самую трубу необходимо срочно прочистить. Безжалостное начальство послало на устранение аварии группу из трех солдат, а чтобы солдаты работали, а не создавали видимость, командовать парадом доверили, как самому молодому и ответственному, лейтенанту Иванову. При этом опыта подобной работы ни у кого из участников этой ответственной операции не было. Ведающие люди, однако, посоветовали, что, кроме лопат, собственно, ничего и не нужно, разве что ОЗК на себя натянуть.

Солдаты, преодолевая брезгливость, спустились по железной лестнице в эту фекальную емкость и начали прочищать лопатами трубу в надежде обнаружить причину засора. Лейтенант, естественно, остался на свежем воздухе контролировать ситуацию. Поначалу снизу был слышен мат и специфические чавкающие звуки, издаваемые лопатами и сапогами, но через некоторое время все затихло...

Иванов даже не сразу обратил внимание на то, что наступила полная тишина. У заглянувшего в люк офицера от ужаса расширились глаза: в клоаке бездвижно лежали тела солдат! Когда речь идет о жизни и смерти, тут уж не до брезгли-

вости. Быстро спустившись, лейтенант поднял ближайшего к нему и взгромоздил на спину. Стараясь удержать солдата и к тому же удержаться и самому, стал карабкаться по лестнице вверх. От нехватки кислорода начал задыхаться, на грани потери сознания перевалил тело через бортик люка. Как ныряльщик, быстро глотнул воздух и снова спустился за следующим. Вытащив второго, потерял сознание.

Их обнаружили только через час, да и то случайно. Выжил сам Иванов и тот, первый солдат. В жаркую погоду в той среде, в фекальной емкости, скопился газ сероводород, это и стало причиной отравления – такой диагноз поставили военные доктора. А двоих умерших солдат списали на боевые потери – такой «диагноз» поставило руководство отдельной бригады. Всех четверых участников «боевой операции» наградили медалями. А как же не наградить? Если огласить правду – это же скандал и огромный минус бригаде! А боевые потери, например при проведении зачистки какого-нибудь городского квартала, – это немалый плюс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.